

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents

<https://elibrary.ru/DQNINF>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)52

«Я, МОЖЕТ БЫТЬ, ЖЕЛАЛ БЫ НАЗЫВАТЬСЯ ЭРНЕСТОМ...» — О ЧЬЕМ ИМЕНИ МЕЧТАЛ КАПИТАН ЛЕБЯДКИН?

© 2026 г. Т.В. Ковалевская

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 16 марта 2026 г.

Дата одобрения рецензентами: 13 апреля 2026 г.

Дата публикации: 25 сентября 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-314-333>

Аннотация: В статье определяется возможный источник желания капитана Лебядкина именоваться Эрнестом — роман О. де Бальзака «Модеста Миньон» (1844), опубликованный в русском переводе в 1845 г. в журнале «Библиотека для чтения», а также фигурирующий в виде краткого пересказа в книге «Женщины Бальзака. Типы, характеры и портреты», находящейся среди вещей Ставрогина в «Бесах». Один из героев этого романа — Эрнест де Лабриер, секретарь поэта Мельхиора де Каналиса. Вероятно, именно имя и история Эрнеста де Лабриера и подали Лебядкину идею мечтать об имени Эрнест. Между Модестой, Каналисом и Лабриером завязываются сложные отношения, вначале основанные на обмане, но заканчивающиеся искренней любовью между Модестой и Эрнестом и венчающиеся браком. Мечтая об имени Эрнест, Лебядкин жаждет подобного же развития и завершения для отношений Лизы со Ставрогиным и с ним самим. При этом сравнительный анализ французского оригинала и русского перевода 1845 г. показывает сложную сеть возможных точек зрения на эти произведения, где точка зрения героя, предположительно читавшего текст в переводе, может быть противоположной точке зрения автора и любого читателя, познакомившихся с текстом Бальзака либо в оригинале, либо в более верном переводе. В статье описываются характеристики персонажей, их взаимоотношения в восприятии обоих типов читателей и различия в восприятии и трактовке параллелей между героями двух романов.

Ключевые слова: «Модеста Миньон», «Женщины Бальзака», «Бесы», Лебядкин, Эрнест де Лабриер, лишние люди, герой и автор в романе, перевод и оригинал в романе

Информация об авторе: Татьяна Вячеславовна Ковалевская — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой европейских языков, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-0527-2289>

Email: tkowalewska@yandex.ru

Для цитирования: Ковалевская Т.В. «Я, может быть, желал бы называться Эрнестом...» — о чьем имени мечтал капитан Лебядкин? // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 3. С. 315–333. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-315-333>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 3, 2026

“I SHOULD HAVE LIKED PERHAPS TO BE CALLED ERNEST...”: WHOSE NAME DID CAPTAIN LEBYADKIN DREAM OF?

© 2026. Tatyana V. Kovalevskaya
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*
Received: March 16, 2026
Approved after reviewing: April 13, 2026
Date of publication: September 25, 2026

Abstract: The article identifies a possible source for Captain Lebyadkin's wish to be called Ernest; it is Honoré de Balzac's novel *Modeste Mignon* (1844) published in Russian in 1845 in the *Library for Reading* magazine. This novel is also summarized in the book *Les Femmes de H. de Balzac. Types, Caractères et Portraits* found among Stavrogin's things in *The Devils*. One of the characters of Balzac's novel is Ernest de la Brier, the secretary of the poet Melchior de Canalis. It is quite likely that the name and storyline of Ernest de la Brier suggested to Lebyadkin the idea of dreaming about the name “Ernest.” Modeste, Canalis, and la Brier are entangled in a highly complicated relationship initially based on deception, yet ultimately developing into true love and crowned with a happy marriage. As Lebyadkin dreams of the name “Ernest,” he wishes for the relations between Liza, Stavrogin, and himself to unfold along a similar path and reach a similar resolution. However, a comparison between the French original and the Russian 1845 translation reveals a complex system of possible perspectives on these works where the point of view of the character who presumably read the text in translation could be radically different from the perspective of the author or anyone who read Balzac's novel in the original or in a more faithful translation. The article describes the character traits and their relations as perceived by both kinds of readers, as well as the differences in the perception and interpretation of parallels between the characters of the two novels.

Keywords: *Modeste Mignon*, *Les Femmes de H. de Balzac*, *The Devils*, Lebyadkin, Ernest de la Brier, superfluous men, character and author in the novel, original and translation in the novel

Information about the author: Tatyana V. Kovalevskaya, DSc in Philosophy, Associate Professor, Head of the European Languages Department, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russia. <https://orcid.org/0000-0002-0527-2289>

E-mail: tkowalewska@yandex.ru

For citation: Kovalevskaya, T.V. “I Should Have Liked Perhaps to Be Called Ernest...”: Whose Name Did Captain Lebyadkin Dream of?” *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 3, 2026, pp. 314–333. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-314-333>

Романы Ф.М. Достоевского отличаются крайней плотностью текста и смыслов, поэтому практически любые упоминания имен, фамилий и реалий несут в себе определенную смысловую нагрузку, «расшифровка» которой обогащает понимание героев и их взаимоотношений и способствует более глубокому пониманию романа в целом. Среди таких до сих пор, по всей видимости, неоткомментированных фрагментов текста остается имя Эрнест, которое хотел бы носить капитан Лебядкин. В пылу разговора с Варварой Петровной Лебядкин восклицает: «Я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната, — почему это, как вы думаете? Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебедя, — почему это? Я поэт, сударыня, поэт в душе, и мог бы получать тысячу рублей от издателя, а между тем принужден жить в лохани, почему, почему?» [12, т. 10, с. 141].

Неоднократно комментировалась фамилия де Монбар как отсылка к французским романам о пирате [12, т. 12, с. 294], к основателю ордена храмовников [11, с. 248], к романам Г. Эмара [3, с. 257–264]. Было проанализировано «грубое» имя Игнат [3, с. 257–264]. Однако, насколько удалось установить, комментариев к имени Эрнест предложено не было.

Само имя Эрнест означает «суровый, решительный, серьезный» [18], но остается вопрос о том, откуда оно пришло в роман. Хотелось бы выдвинуть предположение, что это отсылка к роману О. де Бальзака «Модеста Миньон» (1844). Хотя сопоставления произведений Бальзака и Достоевского — популярная тема исследований (см., например: [6; 1; 7; 8], а также пространную библиографию в этих работах), «Модеста Миньон», видимо, пока не привлекала к себе внимания в контексте сравнений с Достоевским.

Бальзак прямо присутствует в «Бесах» в виде отсылки к «кипсеку» «с картинками» «Женщины Бальзака», который Петр Степанович ненароком роняет на пол во время одной из встреч со Ставрогиным [12, т. 10, с. 180]. Видимо, здесь имеется в виду книга «*Les femmes de H. De Balzac. Types, caractères et portraits*» («Женщины Бальзака. Типы, характеры и портреты») с «14 великолепными портретами». Вопреки тому, что может подумать скабрезно настроенный читатель, эта книга посвящена не женщинам в жизни самого Бальзака, но представляет собой 16 кратких пересказов историй героинь Бальзака; туда вошли 1) «могильщица» из романа «Сельский врач»; 2) герцогиня де Ланже из одноименной повести; 3) Пьеретта из одноименной повести; 4) Модеста Миньон; 5) дочери отца Горио; 6) мадам де Морсоф из «Лилии долины»; 7) мадам де Гранвилль из романа «Побочная семья»; 8) мадемуазель Гильом из повести «Дом кошки, играющей в мяч»; 9) тридцатилетняя женщина из одноименного романа; 10) Полина из «Шагреневой кожи»; 11) мадам Марнеф из романа «Кузина Бетта»; 12) Маргарита Клаас из романа «Поиски абсолюта»; 13) Вероника из романа «Сельский священник»; 14) Евгения Гранде из одноименного романа; 15) Арманда д'Эгриньон из романа «Музей древностей»; 16) Серафита из одноименного романа, мистический андрогин, которого люди видели и мужчиной, и женщиной. Эти выжимки сопровождаются краткими, часто сентиментальными оценками женских образов, например: «Евгения — не героиня, а простая женщина; в ваших воспоминаниях она окажется не подле Миньоны, Антонии, Гюльнар, Серафиты, но среди ваших подруг детства»¹ [17, р. 180]². «Великолепные портреты» изображают 14 из 16 героинь. Так в роман «Бесы» входят отсылки целому ряду романов Бальзака, многие из которых не относятся к самым известным произведениям писателя, и один из них — «Модеста Миньон».

История Модесты — это история девушки, которая решила посвятить себя любви к гению. В гении она выбирает популярного поэта Мельхиора

1 Здесь и далее перевод иностранных источников мой, если не указано иное. — Т.К.

2 Антония — видимо, персонаж романа М.Г. Льюиса «Монах», Гюльнар — героиня поэмы Дж. Г. Байрона «Корсар», Миньона [Mignon] — не героиня самого Бальзака, но персонаж романа И.В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796), образ Миньоны был настолько популярным, что в 1866 г., через 15 лет после опубликования книги о женщинах Бальзака, Амбруаз Тома написал оперу «Миньона» (также можно встретить название «Миньон») на либретто Ж. Барбье и М. Карре, тех же либреттистов, которые создали либретто для «Фауста» Ш. Гуно.

де Каналиса, человека поверхностного и тщеславного, и пишет ему письмо. Каналис смотрит на письмо Модесты с презрительной и пресыщенной насмешкой, но оно заинтересовало секретаря поэта Эрнеста де Лабриера, и Каналис предлагает ему самому ответить на письмо Модесты, что Эрнест и делает фактически от имени Каналиса. Завязывается довольно сложная и напряженная переписка, в ходе которой Эрнест искренне влюбляется в Модесту. Он признается в своем обмане отцу Модесты, вернувшемуся с Востока, где тот восстановил свое состояние. Шарлю Миньону нравится де Лабриер, который любит Модесту, а не ее вновь обретенное гигантское состояние, но он раскрывает дочери глаза на обман Эрнеста, и та с презрением отвергает влюбленного. За Модестой теперь ухаживают сразу трое — Каналис, Эрнест и герцог д'Эрувиль, где поэт Каналис — самый малосимпатичный персонаж. В конце концов Модеста все же отдает свою руку Эрнесту³.

Капитану Лебядкину история Модесты, Каналиса и Эрнеста может представиться аналогом его собственных взаимоотношений со Ставрогиным (параллель Каналису) и Лизой (параллель Модесте). Сам он оказывается в роли Эрнеста при Каналисе, теща свое самолюбие тем, что в конце романа Лиза/Модеста увидит, кто питает к ней подлинную любовь.

Подобно Ставрогину, Каналис пользуется популярностью и почитанием (Каналис в беседе с г-ном Дюме, которому было поручено беречь Модесту и ее мать во время отсутствия Шарля Миньона, рассказывает, что ему пишут восторженные письма тысячи незнакомых ему женщин). Подобно Ставрогину, Каналис на самом деле не оправдывает этих восторгов, он холоден и бессердечен. В отличие от Ставрогина, Каналис еще и весьма меркантилен и расчетлив; он состоит в любовной связи с герцогиней де Шолье, которой он многим обязан; когда его план жениться на Модесте рушится, он рассчитывает, что герцогиня подыщет ему подходящую жену⁴.

3 Для русского читателя эта завязка обретает особое звучание, неизбежно напоминая о «Евгении Онегине» и письме Татьяны, хотя история Модесты и Эрнеста была вдохновлена подлинной перепиской престарелого Гете и Беттины фон Арним, урожденной Брентано (сестры Клеменса Брентано и жены Ахима фон Арнима). Но, в отличие от Онегина, Эрнест де Лабриер способен разглядеть душу Модесты и оценить ее по достоинству.

4 Здесь отношения Каналиса и герцогини де Шолье больше напоминают уже отношения Степана Трофимовича и Варвары Петровны, на которую герцогиня отчасти похожа своим характером, властным и временами мстительным, хотя связь Каналиса и Шолье проще и грубее отношений генеральши Ставрогиной и Верховенского-старшего; у Бальзака это длится уже десять лет связь замужней женщины за пятьдесят с молодым человеком двадцати девяти лет.

Сам Лебядкин оказывается при Ставрогине в положении Эрнеста при Каналисе, он одновременно соперник и нечто вроде прислужника, человек, состоящий в неопределенном положении шута (мы намеренно не рассматриваем здесь отсылки к шекспировскому Фальстафу) при своем довольно мрачном господине. Служба капитана Лебядкина, однако, уже осталась в прошлом, а Эрнест занимает определенную должность в министерстве. Но его отношения с Каналисом в некотором смысле столь же амбивалентны, сколь и отношения Ставрогина с Лебядкиным: Эрнест не просто слуга, но и в какой-то мере считает себя другом поэта.

Сходство Модесты с Лизой Тушиной состоит прежде всего в ее двусмысленном положении между Каналисом и Эрнестом: она выбрала Каналиса, вознамерилась посвятить ему свою жизнь, но Каналиса не интересует ни ее душа, ни ее любовь; Эрнест же искренне ее любит; в конце романа она обнаруживает, что поэт на самом деле недостоин ее любви, и отдает свою руку (и состояние) Эрнесту, который также получает право присоединить к своей фамилии титул ее отца и становится графом де Лабриером-Лабасти. Так и Лиза выбирает Ставрогина и решает отдать себя ему, но она на самом деле не нужна Ставрогину, хотя в романе Достоевского динамика этого треугольника совсем иная, нежели в романе Бальзака, здесь роль искренне влюбленного и при этом деятельно проявляющего свою любовь человека (о важности действия и бездействия в «Бесах» подробнее будет говориться далее) играет Маврикий Николаевич. Таким образом, у Лебядкина появляется более достойный соперник даже на роль соперника Ставрогина. Кроме того, финансовые соображения играют для героев русского романа куда менее важную роль, чем соображения иного плана, а именно проблема сверхчеловеческих притязаний, которые приводят героев к трагедии, и связанная с ними тема власти в разных ее формах и проявлениях. Однако общие очертания двух любовных многоугольников сходны. Более того, общее описание отношений знаменитостей и их секретарей, которое будет подробно проанализировано ниже, придает взаимоотношениям Каналиса и Эрнеста с одной стороны и Ставрогина и Лебядкина с другой еще большее сходство⁵.

Откуда же мог капитан Лебядкин узнать о романе Бальзака? Знание о текстах Бальзака в «Бесах» может быть нескольких видов: получаемое не-

5 Еще один персонаж по имени Эрнест у Бальзака — граф Эрнест де Ресто из «Гобсека», но он не является частью любовного треугольника и не играет почти никакой роли в романе.

посредственно из прочтения оригинала; получаемое из русского перевода; получаемое из пересказов в духе «Женщин Бальзака»; и из пересказов пересказа, например из рассказов того же Ставрогина о том, что он вычитал из своего «кипсека». В романе ничего не говорится о том, что капитан владеет иностранными языками, поэтому, скорее всего, источником познаний Лебядкина относительно содержания «Модесты Миньон» было знакомство с русским переводом (менее вероятно, что он узнал о романе из пересказа от Ставрогина).

Первые роман был напечатан в «Журналь де деба» в апреле, мае и августе 1844 г. [16] с некоторыми купюрами. Затем роман вышел двухтомником под названием «Les Trois Amoureux» — «Трое воздыхателей» (строго говоря, трое любовников, но в значении XVIII–XIX вв. — «воздыхатель, поклонник») [15]. На сайте «Галлика» Национальной французской библиотеки выложен скан издания без указания каких бы то ни было выходных данных; в описании издание датируется 1844 г. и указано, что это издание А. Муссена (Куломье). Судя по названию романа в русском переводе, вышедшем уже в 1845 г. в «Библиотеке для чтения» О. Сенковского [9], он был сделан с текста в «Журналь де деба» (список немногочисленных русских переводов «Модесты Миньон» см.: [5, с. 89]). Цензурное разрешение на этот том «Библиотеки» было дано в конце февраля 1845 г., так что маловероятно, чтобы перевод был сделан с третьего издания «Модесты Миньон» под названием «Модеста Миньон, или Трое воздыхателей».

Как это часто происходило в русских переводах XIX в., текст был местами сокращен (так, в современном русском переводе 270 страниц довольно плотной печати, а в переводе «Библиотеки для чтения» — всего 109 страниц довольно плотной печати), местами переписан, и в нем были традиционно сильно сдвинуты акценты, расставленные в оригинале. Так, в русском переводе сохранен, но значительно изменен как раз тот фрагмент, где Бальзак дает общее описание взаимоотношений знаменитостей и их секретарей:

Многие парижские ученые и литературные знаменитости имеют своих хвостососцев, телохранителей-спутников, которые освещаются и живут лучами своего солнца, — род частных секретарей, которые служат исполнителями деликатных поручений, — люди, которые не совершенно слуги и не совсем равные тем идолам, у подножия которых работают, которых избав-

ляют от мелочных забот и неприятностей житейских, берегут и подчас выручают и защищают и за все это довольствуются дружбою своего покровителя и собственною утешительною мыслью, что они полезны великому человеку, а следовательно, и всему человечеству. Такого рода преданные друзья гениев встречаются везде, но в Париже более чем где-либо. Эти-то скромные и безвестные труженики и заключают в своих действиях, в своей жизни, наполненной самопожертвованиями, ту поэзию, которые поэты выражают. Они-то настоящие поэты по сердцу, по нежности, тогда как идолы их бывают большею частию поэтами только на бумаге. И не удивительно: ведь они, поэты, живут своими чернилами. Другие источники Ипокрены давно уже иссякли, а может быть и никогда не струились [9, с. 129].

Beaucoup d'hommes célèbres dans les sciences, dans les arts, dans les lettres ont à Paris un ou deux caudataires, un capitaine des gardes ou en chambellan qui vivent aux rayons de leur soleil, espèces d'aides-de camp chargés des missions délicates, se laissant compromettre au besoin, travaillant au piédestal de l'idole, ni tout-à-fait ses serviteurs ni tout-à-fait ses égaux, hardis à la réclame, les premiers sur la brèche, couvrant les retraites, s'occupant des affaires et dévoués tant que durent leurs illusions ou jusqu'au moment où leurs désirs sont comblés. Quelques-uns reconnaissent un peu d'ingratitude chez leur grand homme, d'autres se croient exploités, plusieurs se lassent de ce métier, peu se contentent de cette douce égalité de sentiment, seul prix que l'on doive chercher dans l'intimité d'un homme supérieur et dont se contentait Ali, élevé par Mahomet jusqu'à lui. Beaucoup se tiennent pour aussi capables que leur grand homme, abusés par leur amour-propre. Le dévouement est rare, surtout sans solde, sans espérance, comme le concevait Modeste. Néanmoins, il se trouve des Menneval, et plus à Paris que partout ailleurs, des hommes que chérissent uni vie à l'ombre, un travail tranquille, des bénédictins égarés dans notre société sans monastère pour eux. Ces agneaux courageux portent dans leurs actions, dans leur vie intime, la poésie que les écrivains expriment. Ils sont poètes par le cœur, par leurs méditations à l'écart, par la tendresse, comme d'autres poètes sur le papier, dans les champs de l'intelligence et à tant le vers ! Comme lord Byron, comme tous ceux que vivent, hélas ! de leur encre, l'eau d'Hippocrène [16] aujourd'hui, par la faute de Pouvoir [15, p. 248–250]⁶.

6 Это один из примеров цензурного вмешательства в текст Бальзака — из журнальной публикации было удалено упоминание власти, затем восстановленное в книжных публикациях.

В Париже многие знаменитые ученые, художники и писатели имеют при себе одного-двух прихвостней, капитана гвардии или камергера, которые живут в лучах своего солнца; это разновидность адъютанта, которому даются деликатные поручения; в случае необходимости они позволяют себя скомпрометировать, трудятся подле пьедестала своего кумира, не совсем слуги ему и не совсем ровня; они отважны в похвалах и первые бросаются в пролом [т. е. стремятся защитить своего хозяина]; они покрывают ретирады своих идолов, занимаются их делами, и эта преданность длится, пока сохраняются их иллюзии или пока их желания не исполнятся. Некоторые распознают в своем великом человеке толику неблагодарности, другие полагают, что их эксплуатируют, третьи устают от своего ремесла, четвертые удовлетворяются нежным равенством чувств, единственной наградой, которую полагается искать в близости к вышестоящему [высшему] человеку, той, что удовлетворила Али, возвышенного Магометом до себя. Многие, обманутые собственным самолюбием, полагают себя столь же способными, как и их великий человек. Преданность редка, прежде всего та, что без награды, без надежды, такая, какой ее представляла Модеста. Однако же находятся еще, и особенно в Париже, а не в других местах, Менневали, люди, которые дорожат жизнью в тени, спокойной работой, бенедиктинцы, забредшие в наше общество вместо монастыря. Эти отважные [трудолюбивые] агнцы несут в своих поступках, в своей внутренней жизни ту поэзию, которую описывают писатели. Они — поэты в сердце, в своих удаленных [от общества] размышлениях, в своей нежности, подобно тому как другие — поэты на бумаге, в сфере разума, по стольку-то за стих! Подобно лорду Байрону, подобно всем тем, кто живет — увь! — в своих чернилах, нынешнем источнике Иппокрены, чему виной Власть⁷.

7 Мы приводим собственный перевод этого фрагмента, выполненный так, чтобы максимально приблизить его к тексту Бальзака, пусть даже за счет изящности и местами внятности. Существующий современный перевод местами также далек от оригинала. Так, «жить в лучах своего солнца» — совершенно не то же самое, что «греться в лучах чужой славы» [10, с. 222], а «нежное равенство чувств», т. е. сознание того, что и знаменитость, и его секретарь в равной мере наделены умением чувствовать, далеко от «приятного сознания равенства» [10, с. 222].

Выражаю благодарность М.А. Козловой, ст. преподавателю кафедры художественного перевода Литературного института им. А.М. Горького, за помощь в переводе фрагментов романа Бальзака.

Перевод, опубликованный в «Библиотеке для чтения», весьма далек от оригинала. Бальзак описывает два рода секретарей-адъютантов: честолюбцев и некорыстолюбивых. В переводе «Библиотеки для чтения» оба типа соединяются воедино, в тип преданных «великому человеку» беспробреников, которые видят свою награду в том, чтобы служить человечеству, служа его предположительно лучшим представителям. Фрагмент про служение человечеству — чистая отсебятина переводчика, ничего подобного в тексте Бальзака нет. Автор перевода, однако, следует оригиналу в осуждении псевдовеликих людей, которые уступают в чувстве истинной поэзии своим неприметным «адъютантам».

В русском переводе рисуется картина, с одной стороны, близкая описанию отношений Лебядкина и Ставрогина, где секретарь готов даже пожертвовать своей репутацией для своего господина (подобно тому, как Лебядкин позволяет в некотором роде жертвовать репутацией своей сестры, а следовательно, и своей собственной), а с другой — весьма лестная для самолюбия Лебядкина: он предстает служителем блага человечества, истинным поэтом, поэтом по своей природе, вознаграждением которому служит лишь мысль об этом служении и о дружбе великого лица.

Однако Достоевский, наверняка читавший Бальзака в оригинале, а также читатель, знакомый с оригиналом (или хотя бы с более приближенным к оригиналу переводом, чем русский перевод XIX в., например с переводом 1960 г.), видит несколько другую картину. В оригинале, где присутствует любопытное упоминание «капитана», хотя здесь это капитан гвардии, а не «штабс-капитан» (об этом чине см.: [11, с. 100]), речь уже идет не о бескорыстном служении, а о вполне корыстных устремлениях этих секретарей, редко способных на преданность без материальной награды; их также отличают чрезмерные и не обоснованные ничем, кроме их самолюбия, представления о собственном таланте. Все это в полной мере относится к капитану Лебядкину и рисует уже далеко не такую лестную картину, как русский перевод романа. Лебядкин принадлежит к первому типу корыстолюбивых и честолюбивых секретарей, полагающих, что их эксплуатируют, а не ко второму типу верных Менневалей (секретарь Наполеона I, опубликовавший свои воспоминания в 1843–1844 гг., т. е. как раз тогда, когда Бальзак писал «Модесту Миньон» [10, с. 513]). Возможно, фраза Лебядкина «я поэт, сударыня, поэт в душе, и мог бы получать тысячу рублей

от издателя» представляет собой прямую отсылку к Бальзаку (в русском переводе 1845 г. остались «поэты по сердцу», а в оригинале материальный аспект поэтического творчества звучит гораздо резче, нежели обтекаемое «живут своими чернилами» русского текста: «à tant le vers», «по столько-то за стих»)⁸. В таком случае первая половина фразы указывает на знакомство капитана с русским переводом, а вторая — на знакомство создателя Лебядкина с французским оригиналом. Читателю, таким образом, предлагается оценивать разглагольствования капитана как бы на стыке двух текстов.

И перед читателем, знакомым с французской литературой не в сокращенном переводе, а в оригинале, мир Лебядкина предстает миром вольных переложений оригинала на другой язык. Это мир жизни в литературе, но и литература эта не верна самой себе, она — фантазия по мотивам чужого воображения. Лебядкин представляет себя Эрнестом де Лабриером, но одновременно — и неким де Монбаром, то ли полувыдуманным пиратом, то ли героем романов Г. Эмара, то ли одним из основателей Ордена Храма, притязая на более высокий титул, чем граф де Лабриер-Лабасти. Как было показано ранее, фамилия Монбар связана с идеей притязания на верховную власть, а вместе с титулом — на власть почти божественную [3, с. 274, 278–279]. Лебядкин рисует в своем воображении треугольник, где Лиза/Модеста в итоге поймет ложность своего увлечения Ставрогиным/Каналисом и отдаст свое сердце Лебядкину/Эрнесту. Этот треугольник основывается на романе Бальзака, но на романе, дополнительно прошедшем сквозь призму воображения и слова переводчика. Это жизнь, чужая в квадрате.

Эту тему чужой, прошедшей через множество «рук» и сознаний жизни подчеркивает упоминание «кипсека» «Женщины Бальзака». Оно маркирует присутствие Бальзака в романе и четыре возможных источника знакомства с его романами героев и автора: французский оригинал, русский перевод, краткое изложение в «кипсеке» и, возможно, пересказ краткого изложения, т. е. пересказ в квадрате.

Характерно при этом, что французская книга принадлежит Ставрогину, т. е. это он знаком исключительно с внешней сюжетной канвой литературных произведений и с чужими мнениями об этих произведениях. Одна из тем «Модесты Миньон» — это как раз жизнь, которую проживают

8 Автор благодарит анонимного рецензента статьи, подчеркнувшего это сближение.

в литературе. Тема жизни, проживаемой не в жизни, а через кого-то, звучит и в русской литературе, в «Герое нашего времени», который был частью непосредственного литературного фона «Бесов». В черновых записях к роману Достоевский так характеризует обращение Князя с Воспитанницей: «...нарочно, по-печорински, не заговаривает с ней» [12, т. II, с. 214]. Печорин, в свою очередь, делает любопытное замечание в «Фаталисте»: «...я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» [13, с. 136]. Появление «Женщин Бальзака» указывает на то, что даже книги в жизни Ставрогина — это книги, кем-то прочитанные для него. Его жизнь — обещание, которое выливается в жизнь, проживаемую через других — других людей и даже прочитанные другими людьми книги. Жизнь целого ряда героев «Бесов» — эрзац-существование через жизнь и даже литературные впечатления других людей. Характерно в этом отношении и то, что в «кипсеке» указывается даже мнение, которое читателю следует составить о женщинах, чьи истории пересказываются. Характеристика Евгении Гранде уже упоминалась, а вот что говорится о Модесте Миньон: «Всякий скажет, вместе с Бютша, одним из наиболее примечательных спутников этой блистательной планеты: “Никто, кроме меня, не знает всего благородства, возвышенности, преданности, невиданного изящества, веселости, образования и утонченности души, сердца и духа этого восхитительного создания”» [17, р. 45]. Эта характеристика, заимствованная в слегка измененном виде из слов Бютша в романе, становится в обрамлении утверждения «Всякий скажет...» весьма примечательной в своей оксюморонности, ибо делает из *каждого* читателя *единственного*, кто способен понять Модесту; одновременно эта характеристика весьма уместна в ситуации пересказа романа для читателей, проживающих свою жизнь через чужой опыт, потому что так общий опыт представляется уникальным, а «всякий» становится «единственным», способным понять героиню.

Отметим, что между персонажами «Бесов» и «Модесты Миньон» есть и другая, не менее важная связь: Эрнест представляет себе Модесту царственной амазонкой, а безнадежно влюбленному в нее горбуну Бютша (Butscha; в переводе «Библиотеки для чтения» Бутча; Бутша в современном русском переводе, где это имя, кроме того, склоняется, что вызывает сомнения) снится, что Модесту на планируемой охоте понесла лошадь: «Я видел

во сне, будто вас понесла лошадь, и затем, проснувшись, отправился в Руан, чтобы купить для вашего коня испанскую узду, которую, говорят, лошадь не может закусить» [9, с. 210].

Понесшая лошадь — распространенная ситуация, позволяющая герою продемонстрировать свою отвагу и завоевать сердце героини. Подобный сюжетный ход встречается, например, в романе «Что делать?», где Рахметов спасет некую даму: «...лошадь понесла даму, катавшуюся в шарабане <...> он бросился на середину дороги <...> успел только схватиться за заднюю ось шарабана — и остановил, но упал. <...> Он пролежал дней десять. Спасенная дама, конечно, ухаживала за ним сама. Ему ничего другого нельзя было делать от слабости, а потому он говорил с нею <...>. Огненные речи Рахметова, конечно, не о любви, очаровали ее <...>. Он также полюбил ее. <...> Что было потом с этою дамою? В ее жизни должен был произойти перелом; по всей вероятности, она и сама сделалась особенным человеком» [14, с. 212–213]. В романе Г. Эмара «Авантюристы» граф де Бармон-Сенектер, будущий пират Монбар, спасает Клару Пеньяфлор, которую понесла лошадь, и эта ситуация служит завязкой всего романа. В любом случае эта ситуация — повод к действию. Даже горбун Бютша, физически не имеющий сил остановить коня, находит способ помочь девушке, которую он любит, — он пытается предотвратить ситуацию в зародыше. Стоит помнить, что путешествие в почтовой карете в Руан из Гавра могло занять целый день в одну сторону, т. е. горбун не пожалел времени и сил на то, чтобы купить узду, которую он дарит Модесте с согласия и дозволения ее отца, которому он показывает узду первому.

И здесь возникает еще одно сравнение между героями «Модесты Миньон» и «Бесов», которое могло быть известно только тем, кто читал либо оригинал (и для читателей XIX в. это был единственный способ познакомиться с неискаженным текстом Бальзака), либо более полный русский перевод, — сравнение между горбуном Жаном Бютша и Лебядкиным, и оно снова оказывается нелестным для капитана, потому что это становится сравнением деятельности и бездействия.

В «Женщинах Бальзака» Бютша только упоминается. В русском переводе 1845 г. описание Жана Бютша оказалось в числе фрагментов, подвергшихся сокращениям:

Жан Бутча, сирота, приемыш и воспитанник нотариуса, трудами и усердием достигший степени старшего писца и девятисот франков жалованья, почитался членом семейства, в котором жил с семилетнего возраста. В двадцать два года он, по рябому, безобразному лицу, казался почти стариком, а по росту ребенком или карликом. Существовая чужой милостью, несчастный горбун всегда был молчалив, прилежен, скромен, примерного поведения и очень религиозен. Для развлечения и удовольствия он странствовал по великой земле безнадежной любви и по широкой, сухой степи тщетных желаний. Модеста была его идол: для нее он отдал бы жизнь свою, а она, в веселый час, называла его «таинственным карлой» [9, с. 117].

Жана Бутша — незаконного сына, брошенного отцом, — приютили в свое время секретарь Лаброс и его дочь Агнеса, и горбун благодаря упорному труду стал старшим клерком; он живет и столуется у своего патрона и получает девятьсот франков в год. Старообразный карлик Жан поклоняется Модесте, как божеству; он готов отдать за нее жизнь. Лицо его изрыто оспой и кажется еще меньше под шапкой жестких курчавых волос; из-под тяжелых полуопущенных век сверкает, как молния, пронзительный взгляд; бедняга не знает, куда девать свои огромные руки, и с семилетнего возраста постоянно чувствует на себе сострадательные взгляды окружающих. Разве сказанного не достаточно, чтобы объяснить его характер? Молчаливый, углубленный в себя, религиозный, известный примерным поведением, он вечно странствует в воображении по необозримым просторам страны, которая носит на карте Нежности название Безнадежной любви, и по бесплодной, но величественной пустыне Желания. Модеста окрестила нелепого Бутшу — Таинственным карликом [10, с. 170–171]⁹.

9 «Jean Butscha, pauvre enfant naturel abandonné, de qui le greffier Labrosse et sa fille avaient pris soin, devenu premier clerc à force de travail, logé, nourri chez son patron qui lui donne neuf cents francs d'appointements, sans aucun semblant de jeunesse, presque nain, faisait de Modeste une idole; il eût donné sa vie pour elle. Ce pauvre être, dont les yeux semblables à deux lumières de canon sont pressés entre les paupières épaisses, marqué de la petite vérole, écrasé par une chevelure crépue, embarrassé de ses mains énormes, vivait sous les regards de la pitié depuis l'âge de sept ans: ceci ne peut pas vous l'expliquer tout entier? Silencieux, recueilli, d'une conduite exemplaire, religieux, il voyageait dans l'immense étendue du pays appelé, sur la carte du Tendre, Amour-sans-espoir, les steppes arides et sublimes du Désir. Modeste avait surnommé ce grotesque et premier clerc le Nain mystérieux» [15, p. 22–23]. «Таинственный карлик» — отсылка к роману В. Скотта «Черный карлик» [10, с. 511].

Французский оригинал и русский перевод 1845 г. рисуют Бютша по-разному. У Бальзака Бютша — человек самостоятельный, деятельный, безнадежно влюбленный, но готовый служить своей Прекрасной Даме; в русском переводе 1845 г. он предстает человеком сугубо зависимым, чей характер определяется не его склонностями, а его общественным положением (прилежание и религиозность Бютша ставятся в зависимость от того, что он существует чужой милостью), а его безнадежная любовь становится формой развлечения. Исчезает из текста и примета физического сходства между Бютша и Лебядкиным: оба не знают, куда девать руки. Ср.: «Известно, что самое главное страдание всех подобных господ, когда они каким-нибудь чудным случаем появляются в обществе, составляют их собственные руки и ежеминутно сознаваемая невозможность куда-нибудь прилично деваться с ними» [12, т. 10, с. 137]. Но при этой черте внешнего сходства по характеру Бютша и Лебядкин противоположны друг другу: Бютша деятелен, его верность и преданность не ограничиваются выдуманными ситуациями и обретают практическую форму: он не только дарит Модесте узду, но и деятельно раскрывает истинные намерения окружающих Модесту людей. В противоположность Бютша, Лебядкин бездеятелен (и в этом парадоксальным образом подобен Ставрогину), его верность и преданность Лизе ограничиваются описанием воображаемых ситуаций. Своей бездеятельностью Лебядкин отличается не только от Бютша, но и, как уже говорилось, от Маврикия Николаевича, чья в равной степени безнадежная любовь неизменно проявляется в поступках.

Таким образом, литературные и исторические отсылки капитана Лебядкина (и не только его) свидетельствуют о хронической бездеятельности и жизни в мечтах, через чужие руки и чужой опыт как центрального героя романа, так и некоторых его эпигонов, которые только так и могут к нему приблизиться.

С другой стороны, Ставрогин, как кажется, пытается действовать, на что указывает его предсмертное письмо Даше:

Я пробовал везде мою силу. Вы мне советовали это, «чтоб узнать себя». На пробах для себя и для показу, как и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась беспредельною. На ваших глазах я снес пощечину от вашего брата; я признался в браке публично. Но к чему приложить эту силу — вот чего никогда не видел, не вижу и теперь, несмотря на ваши ободрения в

Швейцарии, которым поверил. Я все так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие. Но и то и другое чувство по-прежнему всегда слишком мелко, а очень никогда не бывает. Мои желания слишком несильны; руководить не могут [12, т. 10, с. 514].

Но эти попытки действовать оказываются иллюстрацией к теме «лишних людей» в интерпретации Достоевского. В советском литературоведении, вслед за В.Г. Белинским, Н.А. Добролюбовым и Д.И. Писаревым, эта тема трактовалась в сугубо социальном ключе: лишние люди не могли найти себя в косной среде царской России [4]. Иную оценку этого образа предлагает И.А. Виноградов, который, анализируя творчество Гоголя, пишет о «душевной пустоте “лишних людей”, прикрывающих свою бесполезность мнимой невозможностью проявить себя в “удушающей” среде» [2, с. 194]; на самом деле их положение есть «результат *собственного* нежелания возрастать в назначенном служении» [2, с. 196–197]. Достоевский близок Гоголю в своей оценке этого типа, но находит этому и причину, которую именовал «белоручничеством»: «Как это умный человек не нашел себе дела? Они все ведь не нашли дела, не находили два-три поколения сряду. <...> На то и ум, чтоб достичь того, чего хочешь. <...> И если хочешь непременно одним шагом до цели дойти, так ведь это, по-моему, вовсе не ум. Это даже называется белоручничеством. Трудов мы не любим...» [12, т. 5, с. 62]. Так и Ставрогин не знает, к чему приложить свою великую силу.

Тема труда, понимаемого как труд мужицкий, звучит в «Бесах» совершенно прямо в диалоге Шатова и Ставрогина.

Слушайте, добудьте Бога трудом; вся суть в этом, или исчезнете, как подлая плесень; трудом добудьте.

— Бога трудом? Каким трудом?

— Мужиким. Идите, бросьте ваши богатства... А! вы смеетесь, вы боитесь, что выйдет кунштик?

Но Ставрогин не смеялся. — Вы полагаете, что Бога можно добыть трудом, и именно мужиким? — переговорил он, подумав, как будто действительно встретил что-то новое и серьезное, что стоило обдумать [12, т. 10, с. 203].

Аналогичная тема будет поднята и в «Братьях Карамазовых», но там станет ясно, что труд — это не крестьянская пахота, но труд служения, о котором говорит Христос в Евангелии Иоанна: «Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их» (Ин. 4: 38), — и в посланиях ап. Павла, например, «труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа пред Богом и Отцом нашим» (1 Фес. 1: 3). Но труд и служение подразумевают действие, а это то, на что многие герои Достоевского, в том числе Ставрогин и Лебядкин, и неспособны, предпочитая вместо этого проживать вымышленную жизнь даже не через собственное чтение и осмысление текстов, но через чтение и осмысление текстов, выполненное другими людьми. В отсылках к Бальзаку бездеятельность и жизнь, проживаемая героями Достоевского в чужом опыте, как реальном, так и литературном, достигают своего апогея.

Список литературы

Исследования

- 1 *Борисова В.В., Шаулов С.С.* Мотив «рокового наследства» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: реальный, мифопоэтический и историко-литературный комментарий // *Филология как призвание. Сб. ст. к юбилею профессора Владимира Николаевича Захарова* / под ред. А.В. Пигина, И.С. Андриановой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 105–126.
- 2 *Виноградов И.А.* «Лишние люди» в русской литературе: слово Гоголя // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 3. С. 188–209. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209>
- 3 *Ковалевская Т.В.* Мимикрическая поэтика Достоевского. М.: Изд-во РГГУ, 2025. 305 с.
- 4 *Манн Ю.В.* Лишний человек // *Краткая литературная энциклопедия*. М.: Сов. энциклопедия, 1967. Т. 4: Лакшин — Мураново. С. 400–402. URL: <https://feb-web.ru/feb/kle/Kle-abc/ke4/ke4-4004.htm?cmd=o&istext=1> (дата обращения: 02.11.2025).
- 5 *Паевская А.В., Данченко В.Т.* Оноре де Бальзак. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке 1930–1964. М.: Книга, 1965. 428 с.
- 6 *Сафонова С.Ю.* Ф.М. Достоевский и О. Бальзак: диалог мировоззрений // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 17 (271): Филология. Искусствоведение. Вып. 66. С. 113–116.
- 7 *Степанян К.А.* Человек в свете «реализма в высшем смысле» (Достоевский, Шекспир, Сервантес, Бальзак, Маканин) // *Вопросы философии*. 2014. № 5. С. 98–103.
- 8 *Тарасов Б.Н.* Метафизика денег в творчестве Бальзака и Достоевского // *Проблемы исторической поэтики*. 2015. № 13. С. 198–233.

Источники

- 9 *Бальзак О. де.* Модеста Миньон // *Библиотека для чтения*. 1845. Т. 69. С. 124–214 (2-я паг.).
- 10 *Бальзак О. де.* Модеста Миньон // *Бальзак О. де. Собр. соч.: в 24 т. М.: Правда*, 1960. Т. 5. С. 167–436.
- 11 *Достоевский Ф.М.* Бесы. СПб.: СЗКЭО, 2022. 784 с.
- 12 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- 13 *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени // *Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 4. С. 7–142.*
- 14 *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Л.: Наука, 1975. 876 с.
- 15 *Balzac H. de.* Les trois amoureux: en 2 tomes. [Coulommiers]: [Imprimerie A. Moussin], 1844. Т. 1. Р. 8–335.

- 16 *Balzac H. de. Modeste Mignon // Journal des débats politiques et littéraires. 1844.*
11 avril.
- 17 Les femmes de H. de Balzac. Types, caractères, portraits. Paris: Janet, 1851. 223 p.
- 18 Online Etymological Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=Ernest>
(дата обращения: 02.11.2025).

References

- 1 Borisova, V.V., and S.S. Shaulov. "Motiv 'rokovogo nasledstva' v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot': real'nyi, mifopoeticheskii i istoriko-literaturnyi kommentarii" ["The 'Fateful Inheritance' Motif in Fyodor Dostoevsky's *The Idiot*: Factual, Mythopoetic, and Historical and Literary Commentary"]. *Filologiya kak prizvanie. Sbornik statei k iubileiu professora Vladimira N. Zakharova* [*Philology as a Calling. Festschrift for Professor Vladimir N. Zakharov*], ed. by A.V. Pigin, I.S. Andrianova. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019, pp. 105–126. (In Russ.)
- 2 Vinogradov, I.A. "'Lishnie liudi' v russkoi literature: slovo Gogolia" ["'Superfluous Men' in Russian Literature: Gogol's Word"]. *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 3, 2019, pp. 188–209. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-3-188-209> (In Russ.)
- 3 Kovalevskaja, T.V. *Mimikricheskaia poetika Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Mimicry Poetics*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2025. 305 p. (In Russ.)
- 4 Mann, Iu.V. "Lishnii chelovek" ["Superfluous Man"]. *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* [*Concise Literary Encyclopedia*], vol. 4: Lakshin — Muranovo [Lakshin — Muranovo]. Moscow, Sovetskaia entsiklopedia Publ., 1967, pp. 400–402. Available at: <https://feb-web.ru/feb/kle/Kle-abc/ke4/ke4-4004.htm?cmd=o&istext=1> (Accessed 2 November 2025). (In Russ.)
- 5 Paevskaia, A.V., and V.T. Danchenko. *O. de Bal'zak. Bibliografiia russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom iazyke 1930–1964* [*Honoré de Balzac. Russian Translations and Russian-Language Criticism 1930–1964*]. Moscow, Kniga Publ., 1965. 428 p. (In Russ.)
- 6 Safonova, S.Iu. "F.M. Dostoevskii i O. Bal'zak: dialog mirovozzrenii" ["Dostoevsky and Honoré de Balzac: A Dialogue of Worldviews"]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, no. 17 (271), issue 66, 2012, pp. 113–116. (In Russ.)
- 7 Stepanian, K.A. "Chelovek v svete 'realizma v vysshem smysle' (Dostoevskii, Shekspir, Servantes, Bal'zak, Makanin)" ["The Human Being in the Light of 'Realism in the Highest Sense' (Dostoevsky, Shakespeare, Cervantes, Balzac, Makanin)"]. *Voprosy filosofii*, no. 5, 2014, pp. 98–103. (In Russ.)
- 8 Tarasov, B.N. "Metafizika deneg v tvorchestve Bal'zaka i Dostoevskogo" ["The Metaphysics of Money in the Works of Balzac and Dostoevsky"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 13, 2015, pp. 198–233. (In Russ.)